

АННА ЮРЬЕВНА НИЛОВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры классической филологии, русской литературы и журналистики
Института филологии
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)
ORCID 0000-0003-4230-5972; nilova@petrsu.ru

РЕЦЕПЦИЯ «ПОЭТИКИ» АРИСТОТЕЛЯ В РАБОТАХ ЛИЦЕЙСКИХ УЧИТЕЛЕЙ А. С. ПУШКИНА

А н н о т а ц и я . Первая половина XIX века является периодом формирования отечественного литературоведения. Однако работы теоретиков этого периода практически не изучены. Отмеченный пробел особенно значим, когда дело касается педагогов, оказавших влияние на становление литературоведческих концепций нескольких поколений филологов. Этим определяется актуальность и новизна заявленной темы. В статье с использованием сравнительно-сопоставительного метода впервые описана рецепция основных положений «Поэтики» Аристотеля – базового для европейской литературной теории труда – в сочинениях лицейских преподавателей Н. Ф. Кошанского и А. И. Галича. Отмечено, что Аристотель являлся безусловным авторитетом для указанных авторов, однако усвоение концепции греческого философа проходило в контексте ее интерпретации европейскими эстетическими теориями. Так, Кошанский солидаризируется с Аристотелем в том, что искусство доставляет наслаждение, и эта идея поддерживает гедонистическую теорию катарсиса, отразившуюся в его сочинении. Шеллингянец Галич развивает идею немецкого романтизма о судьбе как основной силе, противостоящей герою трагедии, и при этом отстаивает классицистическое правило трех единств, отсутствующее у Аристотеля.

К л ю ч е в ы е с л о в а : Аристотель, Н. Ф. Кошанский, А. И. Галич, «Поэтика», становление отечественной теории литературы, трагедия, катарсис

Б л а г о д а р н о с т и . Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (РНФ) № 22-18-00423.

Д л я ц и т и р о в а н и я : Нилова А. Ю. Рецепция «Поэтики» Аристотеля в работах лицейских учителей А. С. Пушкина // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2024. Т. 46, № 1. С. 76–81. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.994

ВВЕДЕНИЕ

Первая треть XIX века занимает особое положение в истории отечественного филологического знания: в это время происходит переход от «теории словесности к литературоведению» [14: 1098]. Однако труды значимых теоретиков этого периода и лицейских учителей А. С. Пушкина – Н. Ф. Кошанского и А. И. Галича – не получили полного и всестороннего осмысления в отечественной филологической науке. Более того, указание на актуальность и необходимость подобного рода исследований стало общим местом работ, посвященных этим авторам в течение последних трех десятилетий [3], [10], [13], [14]. Из всего наследия Кошанского наибольшего внимания удостоились его работы по грамматике русского языка и риторике [2], [5: 109],

[6: 275], [7], [15], [16], [21], охарактеризовано его влияние на преподавание словесности в учебных заведениях и собственная педагогическая деятельность [1], [3], [12]. При этом неизменно указывается на излишнюю сухость педагогического метода Кошанского, что, вероятно, происходит из слишком прямолинейного понимания ироничной характеристики лицейского учителя в пушкинском стихотворении «Моему Аристарху». Меньшего внимания удостоилась его переводческая деятельность [19]. Литературно-теоретические же работы Кошанского не получили сколько-нибудь полной характеристики. Галич интересует исследователей прежде всего как философ, один из первых русских шеллингянцев [10], [11], [20], [22]. Литературоведческие его работы привлекают внимание только в контексте общих описаний развития отечественной теории

литературы [8] или отдельных литературоведческих вопросов [9: 44]. Актуальность изучения именно литературно-теоретических концепций Н. Ф. Кошанского и А. И. Галича представляется особенно значимой еще и потому, что они оказали влияние на образование Пушкина, его поэтическое творчество и формирование литературоведческих идей: сухие риторические схемы, усвоенные на уроках «педанта» Кошанского, под пером гения превращались в такие поэтические шедевры, как стихотворение «Цветок» [17: 6–19], а идеи из работ Галича нашли отражение в литературной теории Пушкина. Целью настоящей статьи является попытка описать рецепцию некоторых положений основополагающей для европейской литературной теории «Поэтики» Аристотеля в работах лицейских учителей Пушкина Кошанского и Галича.

* * *

Первый русский перевод «Поэтики» Аристотеля появился только в 1854 году, однако русский читатель был знаком с содержанием трактата и раньше по школьным курсам поэтики, отражению теории Аристотеля в сочинениях Ф. Прокоповича, В. К. Третьяковского, А. Д. Кантемира, А. П. Сумарокова и др., переводам на европейские языки и откликам на теорию драмы в трагедиях русских драматургов. В 1821 году был издан «Словарь древней и новой поэзии», в котором его автор, Н. Остолопов, ссылаясь на Аристотеля как на безусловный авторитет и часто близко к тексту пересказывал важнейшие положения «Поэтики». Фрагменты Словаря на протяжении 1810-х годов печатались в журналах «Санкт-Петербургский вестник», «Вестник Европы», «Труды Общества любителей российской словесности». В это же время в журналах активно обсуждались вопросы теории драмы. Можно сказать, что первая треть XIX века стала периодом активного освоения и осмысления наследия афинского философа, которое оказало влияние и на литературно-теоретические работы филологов пушкинского круга.

Н. Ф. Кошанский (1785(?)–1831) – выпускник Московского университета, доктор философии. С 1811 по 1828 год был профессором латинской и русской словесности в Царскосельском лицее. Известен как поэт и переводчик, однако «наибольшую славу ему принесли его педагогические труды» [3: 290]. Его учебники русской и латинской грамматики, «Частная риторика» и «Общая риторика» выдержали множество изданий, а их содержание сохраняло актуальность и во второй половине XIX века [3: 290].

В 1811 году Кошанский опубликовал обширный труд «Цветы греческой поэзии», название которого восходит к античным антологиям. Книга включала в себя идиллии, эпиграммы и отдельные фрагменты стихов Биона и Мосха на греческом языке, а также их переводы, выполненные самим Кошанским. Греческие тексты сопровождалась биографиями поэтов и подробными комментариями. Кроме стихов Мосха и Биона в книгу входили переводы шестой песни «Одиссеи» Гомера и фрагмента трагедии Софокла «Антигона». Поэтической части был предпослан обширный вступительный раздел «К читателям», в котором автор предлагает краткое описание греческой культуры. По замечанию современного исследователя, это издание делало честь «не только его составителю, но и вообще филологическому образованию того времени» [15: 104].

«Цветы греческой поэзии» не содержат последовательного изложения литературно-теоретической концепции их составителя. Во вступительном разделе Кошанский дважды упоминает имя Аристотеля, в обоих случаях без сколько-нибудь подробного комментария «Поэтики». Однако влияние теории Стагирита на восприятие Кошанским античной культуры хорошо заметно, когда последний говорит о воздействии трагедии на зрителя. По утверждению Аристотеля, трагедия изображает «ужасное» и совершает «путем сострадания и страха очищение подобных аффектов» [4: 56]. Кошанский говорит о воздействии трагедии на зрителей и эмоциях, ею вызываемых, следующее:

1. «Сердца зрителей колеблются, движутся, и Греки платят дань жестокости предковъ своимъ слезами. Такъ нравы ихъ смягчаются и дѣлаются добрѣе; такъ души ихъ научаются чувствовать сожалѣніе. Вдругъ все исчезаетъ, остаются только слезы не глазахъ и впечатлѣніе въ сердцахъ!».

2. «Ужась на лицѣ зрителей и удовольствіе въ сердцахъ. О чудо искусства! кто не восхищенъ твоимъ чародѣйствомъ» (Кошанский: XXI).

Он согласен с Аристотелем в том, что трагедия показывает страшные или ужасные события и воздействует на эмоции зрителей. Она не только смягчает чувства, «научаетъ чувствовать сожалѣніе», но и доставляет удовольствие. Вероятно, на восприятие катарсиса Кошанским повлияли эстетическая теория Лессинга и гедонистическая Баттё. В пользу влияния последней свидетельствует и то, как Кошанский характеризует отношение греков к жизни. По его мнению, целью жизни греков было именно наслаждение: «Представьте народъ, посвятившій себя важ-

ной наукѣ наслаждаться жизнию; народъ, коего воображеніе очаровывало все, къ чему прикасалось» (Кошанский: X). Удовольствие читателей было и целью самого Кошанского при работе над «Цветами греческой поэзии» (Кошанский: X).

А. И. Галич (1783–1848) в 1808–1812 годах обучался в Германии, где проникся идеями Шеллинга. С 10 мая 1814 года по 1 июня 1815 года, заменяя заболевшего Кошанского, преподавал русскую и латинскую словесность в Царскосельском лицее. На занятиях молодой преподаватель выходил за темы своего предмета и обсуждал с учениками вопросы современной немецкой философии [10: 16]. В 1825 году Галич опубликовал работу «Опыт науки изящного», в которой «дал первое в России систематическое изложение романтической эстетики, представлявшей собой одну из ведущих форм мировой эстетической мысли XIX века» [10: 131]. Трактат состоит из «Предисловія», «Вступленія» и двух частей: «Часть общая или чистая. Теорія изящного» и «Часть прикладная или особенная. Теорія изящныхъ искусствъ». Первая часть трактата, общеэстетическая, подробно проанализирована в работе З. А. Каменского [10]. Исследователь отметил влияние на сочинение Галича не только Шеллинга, но и Канта и Гегеля [10: 132–133]. Вторая часть, в которой автор обращается к теории литературы, осталась вне поля исследовательского интереса.

«Теория изящных искусствъ» Галича, так же как и «теория изящного», демонстрирует очевидное влияние философии немецкого романтизма и, в первую очередь, его интерес к антиномичности мира. Аристотеля автор трактата упоминает всего один раз, когда во Введении излагает историю «теории изящного». Аристотель, по мнению Галича, относится к первому периоду развития «науки изящного» – периоду «простыхъ чувственныхъ наблюдений»², за ним следуют период «смысла и логическихъ его соображеній», представителями которого являются Баумгартен, Дидро и Кант, и период «полного владычества разума», к которому Галич относит Платона, Винкельмана, Лессинга, Гегеля и Шлегелей (Галич: б). Тем не менее теория Галича развивается в русле традиции, заложенной греческим философом.

Исходным тезисом первой части трактата, демонстрирующим ориентацию автора на эстетическую программу немецкого романтизма, является утверждение двойственной природы человека:

«...человѣкъ есть гражданинъ двухъ міровъ, – видимаго и невидимаго. Первому принадлежит онъ своею

чувственно-органическою стороною, второму – духовно-нравственною» (Галич: 9).

Во второй части Галич возвращается к тезису о двойственности человеческой природы и отмечает:

«...изящное искусство, само по себѣ нѣчто единое, нераздѣльное, безконечно разнообразно въ способахъ, употребляемыхъ человѣкомъ, какъ духовно-нравственнымъ существомъ, для изображенія своихъ мыслей или, лучше, видѣній» (Галич: 77).

На основании двойственной природы человека он выделяет «изящные искусства внешнихъ чувствъ, или художества» и «изящное искусство, принадлежащее чувству внутреннему, или поэзію». Все «художества» Галич разделяет на

«а) художества, преимущественно относящіеся къ пространству, – образовательныя; б) художества, преимущественно относящіеся ко времени, – тоническія; с) художества, преимущественно относящіеся и къ пространству и ко времени – театральныя, сценическія» (Галич: 82–83).

Поэзію он разделяет на эпопею, лирику и драму, которые называет «формами» поэзии. Такое традиционное деление поэзии на «формы» восходит к Аристотелю, но если греческий философ в основу деления ставил принцип подражания, то Галич основывается на романтическом принципе изображения: в эпопее поэт

«изображаетъ видѣнія, раскрывшіеся предъ умственными его очами, повѣствуя объ нихъ, какъ о совершившихся событіяхъ», в лирике «изливается въ поэтическихъ ощущеніяхъ своего сердца», в драме «заставляетъ насъ быть свидѣтелями производимаго дѣянія» (Галич: 158–159).

Большая часть «Поэтики» посвящена описанию трагедии, которую Аристотель определяет следующим образом:

«...трагедія есть подражаніе действию важному и законченному, имеющему определенный объемъ, [подражаніе] при помощи речи, в каждой из своихъ частей различно украшенной; посредствомъ действия, а не рассказа, совершающее путемъ состраданія и страха очищеніе подобныхъ аффектовъ» [4: 56].

Аристотель выделяет шесть частей трагедии: фабулу, характеры, разумность, сценическую обстановку, словесное выражение и музыкальную композицию [4: 58], важнейшими из них он называет фабулу и характеры и особо отмечает, что «трагедія есть подражаніе не людям, но действию и жизни» [4: 58]. Внутри фабулы Аристотель выделяет перипетию и узнаваніе. Под характером философ понимает «то, в чем обнаруживается направление воли» [4: 60].

Он очень кратко оговаривается о сходстве трагедии и комедии, заключающемся в способе подражания (трагедия и комедия «представляют людей действующими, причем драматически действующими» [4: 46]), и не говорит специально о драме как о роде искусства, объединяющем трагедию и комедию. Галич же говорит о драме как о форме самостоятельной поэзии и определяет ее как искусство, в котором поэт «заставляет нас быть свидѣтелями производимаго дѣянiя» (Галич: 158–159). Затем он дает более подробное определение драмы:

«...въ Драмѣ видимъ отдѣльное дѣянiе съ его побудительными причинами и перемѣнами, постепенно раскрываемое, т. е. предъ нашими глазами совершаемое свободнымъ лицомъ въ его боренiи съ общимъ порядкомъ вещей или со враждебнымъ духомъ цѣлаго» (Галич: 179–180).

В качестве важнейших элементов драмы, от которых зависит красота драматических произведений, Галич называет свойства действия, характер лиц, узлы и развязки, что восходит к описанию важнейших частей трагедии у Аристотеля. К Аристотелю восходит и требование естественности, логичности и цельности драматического действия, ограниченного количества событий, а также раскрытия характера «не въ разсужденiяхъ или рѣчахъ, а въ живомъ приложенiи или на дѣлѣ» (Галич: 184). Однако, когда Галич переходит к рассуждениям об ограничениях, которые накладывает на драму ее представление в форме зрелища, он отдает дань уже, казалось бы, отошедшему классицизму и говорит о классицистических трех единствах. Аристотель, как известно, настаивал только на единстве действия и допускал единство времени («трагедия старается, насколько это возможно, вместить свое действие в круг одного дня или лишь немного выйти из этих границ» [4: 54]). По замечанию Н. И. Новосадского, единство времени –

«не принцип, не требование, а вывод, вытекавший из наблюдений над греческой трагедией, при постановке которой на сцене необходимо было подчиняться несовершенству технических условий» [18: 14].

Требования единства места у Аристотеля не было и быть не могло, потому что оно не соблюдалось греческой трагедией. Таким образом, в формулировании требования «трех единств» Галич исходит из той же посылки, что и Аристотель, но действует в контексте классицистической теории.

Аристотель сопоставлял трагедию и комедию по способу подражания, однако противопо-

ставлял их по предмету подражания: «комедия <...> есть воспроизведение худших людей» [4: 53], трагедия же «подражание действию важному» [4: 56]. Для Галича трагедия и комедия – это виды драмы, содержанием которой является «борение одной воли съ другими, отдѣльной съ общей» (Галич: 187). Именно это «борение» и различает трагедию и комедию. Комедия представляет борьбу «произвола со случаемъ, причудами и глупостями» (Галич: 188), трагедия – борьбу «свободы съ необходимостiю или судьбою» (Галич: 188). Таким образом, в основе видового (жанрового) деления драмы лежит тип конфликта, о котором Аристотель не говорил.

Аристотель также не упоминал о судьбе как о части трагедии или той силе, которая оказывает какое-либо действие на ее героев. Источником страдания трагического героя и поворота «из счастья в несчастье» [4: 80], по его мнению, должна быть ошибка героя, то есть его самостоятельное действие, только в этом случае зритель будет испытывать сострадание и страх. Таким образом, если при описании драмы как сценического произведения Галич сближался с классицистическим учением о трех единствах, то в осмыслении источника страдания трагического героя он следовал за немецкой романтической эстетикой, теории которой, и в первую очередь Фр. Шлегель, видели в судьбе силу, противостоящую человеку как в античном искусстве, так и в современной трагедии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Ранний, предшествующий В. Г. Белинскому, период отечественного литературоведения практически не отрефлексирован филологической наукой. Эта лакуна особенно значима, когда дело касается педагогов, сформировавших несколько поколений отечественных теоретиков. Работы Кошанского и Галича содержат оригинальные литературоведческие концепции и фиксируют интересный период развития российской теории словесности, когда романтическая теория поэзии прорастала сквозь традиции классицизма и просвещения. Однако общей основой всех стилистических и эстетических инвариантов европейской и русской литературной теории – понимания поэзии как творческого восприятия и подражания жизни, осмысления родовой дифференциации поэзии на основании предмета и способа подражания, оптимизирующей функции искусства, – является «Поэтика» Аристотеля, который всеми воспринимается как безусловный авторитет.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Кошанский Н. Ф. Цвѣты греческой поэзии. М., 1811. С. XIX. Далее цитируется по этому изданию с указанием в круглых скобках фамилии и через двоеточие страницы.
- ² Галич А. Опыт науки изящного. СПб., 1825. С. 7. Далее цитируется по этому изданию с указанием в круглых скобках фамилии и через двоеточие страницы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аннушкин В. И. Н. Ф. Кошанский – учитель, ученый, ритор, филолог // Кошанский Н. Ф. Риторика / Ред. В. И. Аннушкин, А. А. Волков, Л. Е. Макарова. М.: Русская панорама: Кафедра, 2013. С. 273–286.
2. Аннушкин В. И. О национально-культурном своеобразии русских филологических дисциплин // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2018. Т. 16, № 1. С. 27–49. DOI: 10.22363/2313-2264-2018-16-1-27-49
3. Аннушкин В. И. «Трезвый Аристарх». Н. Ф. Кошанский – филологический учитель А. С. Пушкина // Московский пушкинист-XI. М.: ИМЛИ РАН, 2005. С. 284–294.
4. Аристотель. Поэтика. Об искусстве поэзии. М.: ГИХЛ, 1957. 184 с.
5. Виноградов В. В. О языке художественной прозы: Избранные труды. М.: Наука, 1980. 360 с.
6. Виноградов В. В. Очерки истории русского литературного языка XVII–XIX в. М.: Высшая школа, 1982. 528 с.
7. Волков А. А. Риторика Н. Ф. Кошанского в истории культуры слова и мысли // Кошанский Н. Ф. Риторика / Ред. В. И. Аннушкин, А. А. Волков, Л. Е. Макарова. М.: Русская панорама: Кафедра, 2013. С. 263–272.
8. Дворецкий А. В. Проблема литературных жанров в русской критике «накануне Белинского» // Жанр и композиция литературного произведения. Историко-литературные и теоретические исследования: Межвузовский сборник. Петрозаводск: Петрозаводский государственный университет, 1989. С. 22–31.
9. Захаров В. Н. Проблемы исторической поэтики: Этнологические аспекты. М.: Индрик, 2012. 264 с.
10. Каменский З. А. И. А. Галич. М.: ИФРАН, 1995. 229 с.
11. Лисицин Б. Б. «Философская империя» А. И. Галича как единство онтологии, гносеологии и этики // Социальная онтология и философия образования. СПб.: ООО «Изд-во ВВМ», 2022. С. 96–109.
12. Макарова Л. Е. Биография и научно-педагогические труды Н. Ф. Кошанского // Н. Ф. Кошанский Риторика / В. И. Аннушкин, А. А. Волков, Л. Е. Макарова. М.: Русская панорама: Кафедра, 2013. С. 287–310.
13. Макарова Л. Е. Николай Федорович Кошанский (1875 (?) – 1831) // Русская речь. 2013. № 1. С. 82–87.
14. Макарова Л. Е. Риторическое учение Н. И. Греча как инструмент анализа текста // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. № 22 (4). С. 1098–1106.
15. Макарова Л. Е. Труды Н. Ф. Кошанского // Русская речь. 2013. № 2. С. 101–110.
16. Макарова Л. Е. Труды Н. Ф. Кошанского // Русская речь. 2013. № 3. С. 93–102.
17. Мальчукова Т. Г. Античные и христианские традиции в поэзии А. С. Пушкина. Кн. 1. Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского университета, 1997. 196 с.
18. Новосадский Н. И. Введение // Аристотель. Поэтика. Л.: ACADEMIA, 1927. С. 7–37.
19. Потапова А. М. Эллинистическая эпиграмма: перевод и рецепция жанра в русской литературе в первой трети XIX века // Русский язык и культура в зеркале перевода. 2021. № 1. С. 357–366.
20. Резник Н. Галич – учитель Пушкина // Высшее образование в России. 2003. № 2. С. 121–126.
21. Сат К. А. Стилистические особенности «Общей ретирики» Н. Ф. Кошанского // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. 2020. № 5 (79). С. 99–107. DOI: 10.25587/a0752-9719-5534-j
22. Тальзи О. А. Антропологический аспект философии русского романтизма // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2009. Т. 2, № 1. С. 37–43.

Поступила в редакцию 28.08.2023; принята к публикации 07.12.2023

Original article

Anna Yu. Nilova, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
ORCID 0000-0003-4230-5972; nilova@petsu.ru

RECEPTION OF ARISTOTLE'S *POETICS* IN THE WORKS OF ALEXANDER PUSHKIN'S LYCEUM TEACHERS

Abstract. The first half of the XIX century is the period of formation of Russian literary criticism. However, the works of theorists from this significant period have practically not been studied. This gap is especially significant when it is associated with teachers who had a significant impact on the formation of literary concepts of several generations of philologists. All of this substantiates the relevance and novelty of the research topic. The article describes the

reception of the main provisions of Aristotle's *Poetics*, which formed the basis for the European literary theory of literature, in the works of the Imperial Lyceum's teachers N. F. Koshansky and A. I. Galich. It is noted that Aristotle was an absolute authority for these two authors, however, the assimilation of this Greek philosopher's conceptual system took place in the context of its interpretation by European aesthetic theories. Thus, Koshansky agrees with Aristotle in that art brings us pleasure, and this idea supports the hedonistic theory of catharsis reflected in Koshansky's works. Galich, being a Schellingist, develops the idea of German romanticism about fate as the primary force opposing the hero of tragedy, and at the same time defends the classic rule of three unities absent from Aristotle's works.

Key words: Aristotle, N. F. Koshansky, A. I. Galich, Poetics, formation of Russian theory of literature, tragedy, catharsis

Acknowledgements. The reported study was funded by the Russian Science Foundation (project No 22-18-00423).

For citation: Nilova, A. Yu. Reception of Aristotle's *Poetics* in the works of Alexander Pushkin's lyceum teachers. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2024;46(1):76–81. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.994

REFERENCES

- Annushkin, V. I. N. F. Koshansky – a teacher, a scientist, a rhetorician, a philologist. *Koshansky, N. F. Rhetoric*. (V. I. Annushkin, A. V. Volkov, L. E. Makarova, Eds.). Moscow, 2013. P. 273–286. (In Russ.)
- Annushkin, V. I. About national-cultural performance of Russian philological disciplines. *RUDN Journal of Russian and Foreign Languages Research and Teaching*. 2018;16(1):27–49. DOI: 10.22363/2313-2264-2018-16-1-27-49 (In Russ.)
- Annushkin, V. I. “Sober Aristarchus”. N. F. Koshansky – Alexander Pushkin's philology teacher. *Moscow Pushkinist-XI*. Moscow, 2005. P. 284–294. (In Russ.)
- Aristotle. *Poetics*. On the art of poetry. Moscow, 1957. 184 p. (In Russ.)
- Vinogradov, V. V. On the language of literary prose: Selected works. Moscow, 1980. 360 p. (In Russ.)
- Vinogradov, V. V. Essays on the history of the Russian literary language of the XVII–XIX centuries. Moscow, 1982. 528 p. (In Russ.)
- Volkov, A. A. Rhetoric of N. F. Koshansky in the history of the culture of word and thought. *Koshansky, N. F. Rhetoric*. (V. I. Annushkin, A. V. Volkov, L. E. Makarova, Eds.). Moscow, 2013. P. 263–272. (In Russ.)
- Dvoretzky, A. V. The problem of literary genres in Russian criticism “on the eve of Belinsky”. *Genre and composition of literary works. Historical, literary, and theoretical studies: Interuniversity collection of papers*. Petrozavodsk, 1989. P. 22–31. (In Russ.)
- Zakharov, V. N. Problems of historical poetics: Ethnological aspects. Moscow, 2012. 264 p. (In Russ.)
- Kamensky, Z. A. I. A. Galich. Moscow, 1995. 229 p. (In Russ.)
- Lisitsin, B. B. “Philosophical Empire” of A. I. Galich as a unity of ontology, epistemology, and ethics. *Social ontology and philosophy of education*. St. Petersburg, 2022. P. 96–109. (In Russ.)
- Makarova, L. E. Biography of N. F. Koshansky and his scholarly and pedagogical works. *Koshansky, N. F. Rhetoric*. (V. I. Annushkin, A. V. Volkov, L. E. Makarova, Eds.). Moscow, 2013. P. 287–310. (In Russ.)
- Makarova, L. E. Nikolai Fyodorovich Koshansky (1875 (?) – 1831). *Russian Speech*. 2013;1:82–87. (In Russ.)
- Makarova, L. E. Nikolay Grech's rhetorical teaching as a tool of text analysis. *Bulletin of Kemerovo State University*. 2020;22(4):1098–1106. (In Russ.)
- Makarova, L. E. Works of N. F. Koshansky. *Russian Speech*. 2013;2:101–110. (In Russ.)
- Makarova, L. E. Works of N. F. Koshansky. *Russian Speech*. 2013;3:93–102. (In Russ.)
- Malchukova, T. G. Ancient and Christian traditions in the poetry of Alexander Pushkin. Book 1. Petrozavodsk, 1997. 196 p. (In Russ.)
- Novosadsky, N. I. Introduction. *Aristotle. Poetics*. Leningrad, 1927. P. 7–37. (In Russ.)
- Potapova, A. M. Hellenistic epigram: translation and reception of the genre in Russian literature of the first third of the 19th century. *Russian Language and Culture in the Mirror of Translation*. 2021;1:357–366. (In Russ.)
- Reznik, N. Galich – Pushkin's teacher. *Higher Education in Russia*. 2003;2:121–126. (In Russ.)
- Sat, K. A. Stylistic features of “General Rhetoric” of N. F. Koshansky. *Vestnik of the North-Eastern Federal University M. K. Ammosov*. 2020;5(79):99–107. DOI: 10.25587/a0752-9719-5534-j (In Russ.)
- Talzi, O. A. Anthropological aspect of the philosophy of Russian romanticism. *Pushkin Leningrad State University Journal*. 2009;2(1):37–43. (In Russ.)

Received: 28 August 2023; accepted: 7 December 2023